

УДК 82

ЕСЕНИН. ОБЕЩАЯ ВСТРЕЧУ ВПЕРЕДИ
Фрагменты книги. Готовится к выходу в серии
«Жизнь замечательных людей» издательства
«Молодая гвардия» в конце 2019 года

© Прилепин Захар (2019), писатель (Нижний Новгород, Россия).

В представленных отрывках из новой книги Захара Прилепина «Есенин. Обещая встречу впереди» рассматриваются примеры личностного и творческого взаимодействия С.А. Есенина с заметными участниками поэтической жизни страны 1910-1920-х гг. (А.А. Блоком, имажинистами, «новокрестьянскими» поэтами), оказавшими существенное влияние на его мировоззрение, жизненный и творческий путь. Автор отмечает, что между Есениным и Блоком существовала особая связь, которую условно можно описать с помощью оппозиции «ученик — наставник»: Есенин разделял представления Блока о «музыке революции», о цели и значении происходивших в стране перемен; перенимал способы и средства создания цветовых и звуковых образов, характерные для поэтики знаменитого символиста; как и Блок, отвергал насмешническое, саркастическое отношение к изображаемому; следовал тому же вектору самопознания и самоосознания, что и Блок. В неоднозначной реакции Есенина на смерть Блока соединяются ощущение скорби, сиротства и желание «превзойти учителя», занять опустевшее место «хозяина русской поэзии». Вместе с другими имажинистами готовя «великое нашествие на старую культуру Европы», Есенин декларировал свое первенство среди поэтов-современников, чему способствовал успех имажинизма, популяризации которого не препятствовали ни критика А.В. Луначарского, ни слабое сопротивление представителей других литературных течений, не выдерживающих конкуренции на фоне нарочито демонстративной самопрезентации имажинистов. Автор обращает внимание на то, что Есенин, однако, открыто проявлял сочувствие к менее удачливым «новокрестьянским» поэтам, стараясь помочь развитию их литературной карьеры. С другой стороны, неудавшиеся выступления в «Стойле Пегаса» и отсутствие интереса столичной публики лишь ожесточали бывших единомышленников поэта, обвинявших его в отступлении от прежних мировоззренческих и эстетических ориентиров.

Ключевые слова: биография, Есенин, Блок, имажинисты, новокрестьянские поэты.

7 августа 1921 года в Петрограде умер Блок.

Он ничего не писал в последние годы; будто бы нехотя, без усердия, снисходительно возглавлял петроградское отделение Всероссийского Союза поэтов, за главенство в котором так боролись московские имажинисты; соглашался выступать с чтением стихов за баснословные суммы, объясняя это так: «Я стал корыстен, алчен и чёрств, как все» — в этом слышна не только горечь, но и самоирония; а в целом это почти имажинистский подход, только у имажинистов корысть перемалывалась весёлым, бойцовским цинизмом, а у Блока уже нет, он начал себя ненавидеть.

За то, что чёрств, за то, что поэзия ушла, за то, что больше не слышал музыки революции. В ужасе спрашивал у Корнея Чуковского: а вдруг эта революция поддельная? я её люблю, но всё-таки?

В начале мая 1921 года, за три месяца до смерти, Блок приезжал в Москву с выступлениями (Есенин как раз был в ташкентской поездке). Из зала Блоку выкрикнули: «Мертвец!» Он спокойно ответил: «Да, я мёртв».

Есенин, пока Блок был жив, иной раз оспаривал его, но тут вдруг загрустил.

Друзья-имажинисты к Блоку не питали и толики подобного чувства, и Есенин являлся на все подряд московские мероприятия памяти Блока, незванным и без Мариенгофа. Молодой, циничный, упрямый, Есенин в эти дни вдруг чувствует своё сиротство. И ещё какую-то безысходность случившегося, наставшего. Словно бы никто не мог в полной мере осознать кошмар утраты. Так Чехов писал Бунину: вот умрёт Толстой — и всё пойдёт к чёрту.

Умер не просто человек Александр Блок — с ним будто бы окончательно умирала надежда на «музыку революции», которая звучала совсем недавно, и Есенин тоже её слышал (ходят колоннами, гремят литаврами, много шумят на митингах, призывая и направляя — а музыка? что с ней?).

Явившись 14 августа на вечер памяти Блока, проводившийся Всероссийской ассоциацией пролетарских писателей в клубе «Кузница» на Тверской, Есенин, будучи совершенно трезвым, выкрикнул:

— Это вы, пролетарские поэты, виноваты в смерти Блока!

Пролетарские поэты вообще ничего не поняли: почему они? А есенинский крик был, в числе прочего, ещё и вот о чём: вы и меня забьёте своими кувалами в землю — глухие, не осознающие ни поэзии, ни революции, а только издающие грохот и гам.

Разве подобной революции чаял Блок? Разве похожи вы на жителей Инонии? Разве вам я говорил когда-то крепкое и честное слово «товарищ»? От вас — либо в смерть убежать, либо в «Стойло Пегаса» — и там, безо всякого стеснения матом орать со сцены, — потому что любая матерщина вменяемей и честнее вашей навязчивой бездарности.

На следующий день Есенин явился к старым своим приятелям — левым эсерам, у них, по адресу Петровка—23, тоже проходила партийная встреча, Блоку посвящённая. Клим Буревой пишет, что Есенин взял слово под самый финал: «Оратор он был плохой. Но в этот раз он, взволнованный, говорил с вдохновением, с любовью, с большой сердечностью. Вспомнить что-либо из этого выступления невозможно, ибо никакой логики, никакой связи в выступлении не было. Это был целый каскад образов, образов могучих, крылатых. Чувствовалось лишь, что так говорить не сможет обыкновенный человек, когда он не есть поэт — творец именно таких образов. Впечатление у присутствующих необыкновенное; а спроси, о чём говорил, — никто не скажет, сказочная какая-то речь! Как будто восстало множество образов из не рассказанных ещё сказок русского народа, как будто шелест ржи и пьянящий запах лесов залетели в столичную залу...» [Летопись жизни 2005, 169-170].

Буревой запомнил одну есенинскую фразу:

— Есть два поэта на Руси: Пушкин и Блок. Но счастье нашей эпохи, счастье нашей красы открывается блоковскими ключами [Летопись жизни 2005, 169-170].

Означать это могло что угодно: и в «счастье», и в «эпоху», и в «красу» Есенин мог вкладывать какие угодно смыслы, понятные только ему самому. Однако трудно не заметить, что Есенин говорит здесь о гармонии и о самых гармоничных поэтах русской словесности. О поэтах, неслыханным образом вмещающих сразу всё: свет и тьму, печаль о Родине и неотменяемую растворённость в любимом Отечестве, презрение к пошлости и великое снисхождение к миру, безоглядное бунтарство и смирение пред жестоковым тираном, вольность и верность, богоборчество и прозрачную, родниковую, чистейшую веру.

И отсюда уже рукой подать до слов Бориса Пастернака — вернее, главного героя «Доктора Живаго» — о том, что Блок — «явление Рождества во всех областях русской жизни», как и Пушкин, конечно же, как и Пушкин.

Очевидным стало и то, что именно блоковское восприятие революции оказалось в своё время для Есенина наиболее близким. Ни марши и агитки Маяковского, ни мясорубка Мариенгофа, ни анархистский скепсис Шершеневича, даже ни клюевские надежды на пришествие кержен-

ского мужицкого большевика, явившегося вымести западническую ересь и дворянскую спесь, — а именно блоковский внимательный, трудный путь.

Это Блок лучше всех иных предчувствовал неизбежное возмездие миру прежнему, это Блок увидел идущего впереди красноармейцев Христа, это Блок отчеканил безупречным, почти ледяным голосом: «Мы — скифы, мы — азиаты!» — и сколько в этом голосе было великолепного высокомерия, которым крестьянские поэты, сколько ни старались, владеть так и не научились, — они всё, казалось, где-то в парадной колотили ногами, требуя впустить их (куда? зачем?), а Блок, он вёл себя иначе: на шум в парадной он даже не спустился, а вышел на балкон с бледным, но невозмутимым лицом и сказал, ни на кого конкретно не глядя: «Не надо шуметь, я сожгу это здание сам, вместе с вами». Сжѐг — и замолчал на пепелище.

Иным и поныне видится здесь жесточайшее разочарование. Едва ли это стоит упрощать. В единственном написанном в смертный год стихотворении Блока («Пушкинскому Дому») сказано:

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века [Блок 1999, 96].

Чѐрные дни пройдут — вот о чём говорил Блок, они лишь преддверие к грядущему — и, да, мы его звали, и зов свой не отменяем, Пушкин тому порукой.

«Я и сейчас думаю так же, как думал, когда писал «Двенадцать»», — бесстрастно отчеканит зимой 1921 года Блок на витиевато высказанную кем-то из «бывших людей» надежду о том, что он одумался. В Блоке — это вдруг явила его смерть — было слишком многое, чему Есенин ещё не научился. Не столько в смысле мастерства, сколько в смысле непреклонности и выверенности судьбы, позиции, жеста, шага. Смерти, наконец.

Смертей тогда было много, но в смерти Блока была слышна великая, религиозная, безмолвная жертвенность. В Блоке не было суеты. Блоку совсем не было свойственно хвастовство: он так спокойно знал своё место, что ему и в голову не приходило говорить об этом. Блок вёл себя как хозяин русской поэзии. Причѐм не хозяйствующий (на такового претендовал Брюсов), а просто — владеющий всем, как создатель.

Смерть разом вознесла Блока на такие высоты, что все в сравнении с ним стали суетней, меньше. Блок являл собой невиданную подлинность. Больше её негде было услышать, подсмотреть. Чтобы преодолевать

Блока (а с какого-то момента Есенин занимался именно этим), нужно было осознать его.

Первым делом, давным-давно Есенин учился у Блока живописи: как размешивать краски, как через скупой цвет или смешение двух-трёх оттенков дать огромное настроение.

Ты в поля отошла без возврата.
Да святится Имя Твое!
Снова красные копыя заката
Протянули ко мне острие [Блок 1997, 7].

— это Александр Блок, стихотворение, написанное 16 апреля 1905 года. И мы, конечно же, слышим здесь есенинское, 1916 года: «Гаснут красные крылья заката / Тихо дремлют в тумане плетни...» [Есенин 1996, 127]. Там же, у Есенина: «Не пошёл я за ней и не вышел / Проводить за глухие стога» [Есенин 1996, 127]. И у Блока, и у Есенина «она» ушла в поля, за стога.

Есенин научится у Блока музыке: цыганщине и романсу (которому Блок, в свою очередь, выучился у Аполлона Григорьева). В Константиново и в Спас-Клепиках такому не учили. Блок же показал, как натягивать струны до самой душевной крайности и обращать пошлость в натуральную муку.

Блока и Есенина роднила природная неприязнь к иронии, к иронистам, к пересмешичеству. У Блока и Есенина — всё всерьёз: в отличие от Маяковского или того же Шершеневича. Никакого саркастического зубоскальства; исключено. То, что являл собой условный (или конкретный) Саша Чёрный, у Блока вызывало омерзение (замешанное ещё и на вполне откровенной ксенофобии), а для Есенина просто не существовало, и его не сместило (в деревне так, над таким не смеются, а другой смеховой культуры, помимо «озорных частушек», Есенин не знал и знать не хотел). Самое весёлое — это наблюдать, как кто-то танцует русскую плясовую или цыганочку, да и та — предсмертная, сейчас танцующий задохнётся, рухнет на пол и не встанет никогда.

Если что-то Есенина в Блоке раздражало — так это ощущение нездешности, сомнабулизма. Блок и умирал будто бы отстранённо от самого себя — и чёрного человека тростью прочь не гонял: пришёл за мной? да, я готов, только записные книжки переберу (перед смертью Блок сжёг часть своего архива, вдумчиво отобранную).

Есенин однажды, напомним, скажет, что Блок смотрится «на наших полях как голландец» [Есенин 1997, 223]. Ему надо было хоть в чём-то очевидным образом превосходить учителя — ну, хоть в этом: Блок — голландец, а я здесь свой, меня в лицо узнают. Между тем, Блок, конечно

же, и любовью к России, тем самым «чувством Родины», на которое так упирал Есенин, обладал в самой органичной, самой природной степени.

Но, пожалуй, главное, чему научит Блок Есенина, – это благословенному поэтическому высокомерию. Говоря о высокомерии, мы говорим о высокой мере – в первую очередь по отношению к самому себе, обречённому на что-то, превышающее человеческие силы.

Но обращение Есенина к великому наследию Блоку ещё предстояло. Пока же всё выглядело чуть сложнее: смерть ошарашила и обидела, но и заставила ещё раз оглянуться Есенина на себя: а кто я – на фоне этой смерти?

* * *

22 августа имажинисты провели в «Стойле Пегаса» свой вечер, посвящённый памяти Блока. Само название мероприятия выводило его за рамки приличия: «Бордельная мистика Блока». Ни Мариенгоф, ни Шершеневич в своих мемуарах о том, кто этот вечер задумал, не сообщают: гордиться и правда нечем. Впрочем, основную часть мероприятия занял доклад критика, философа Алексея Топоркова о той самой бордельной мистике покойного поэта. Мариенгоф и Шершеневич появились на сцене под финал и ничего предосудительного о Блоке не сообщили. Разве что Вадим Габриэлевич жестоко трунил над публикой: живого Блока забросили и не читали, а едва умер – сразу начали хоромы водить. Он был прав. Однако для скандала вполне хватило собственно названия вечера. Общественность в который раз была возмущена. Раздражённые литераторы призывали едва ли не бить вконец обнаглевших имажинистов. Есенин на вечер не пришёл, как он позже объяснял, бойкотировав эту затею, но, вообще говоря, он вполне бы мог не допускать такого в принципе.

Думается, он совершенно не был против и всё происходило с его ведома. Когда его в очередной раз напрямую спросили, отчего такое случилось, Есенин сослался на когда-то сказанные ему в Петрограде слова Блока по поводу якобы разрушенного Кремля: «Кремль разрушить нельзя: он – во мне, и в вас; он – вечен» [Литературное наследство 1982, 810]. Есенин повторил то же самое о Блоке: он вечен, он в нас, а о бренном нечего печалиться. Никакого конфликта внутри имажинистской группы по поводу скандальной лекции в «Стойле» не было: когда Всероссийский союз поэтов вскоре проводил свой большой вечер памяти Блока, туда втроём, как ни в чём не бывало, заявили Есенин, Шершеневич и Мариенгоф. Побить их никто даже не пытался.

Последующие две недели оказались щедрой на обескураживающие новости. Сначала пришло известие о том, что в Азербайджане умер Сергей Городецкий. Тоже ведь был старшим товарищем и опекуном! Следом другая дикая весть: в Петрограде за участие в антисоветском заговоре расстрелян Николай Гумилёв. Так и поэтов скоро не останется...

Вскоре выяснилось, что известие о смерти Городецкого ложное: Сергей Митрофанович жив и здоровствует. О Гумилёве опровержений не пришло. Роились тяжёлые слухи; поэты шептались по углам. Каким бы огульным ни был красный террор в Москве и Петрограде, равно как и белый террор в Сибири, на севере и на юге России, но представителей их круга, поэтического, кровавая вакханалия до сих пор никак не коснулась.

Поэты и первого, и второго, и даже третьего ряда ходили мимо смерти, чаще всего даже не поёживаясь. Леонид Каннегисер всё-таки исключение: он стрелял, он убил, он террорист. О реакции Есенина на гибель Гумилёва не известно ничего. О Гумилёве он никогда не вспоминал, гумилёвская поэтика ему была чужда, как конкурента его Есенин не воспринимал, а воспринимал так Клюева, Маяковского и, чуть позже, Пастернака. Но серьёзные раздумья наверняка были.

В зримой же деятельности имажинистов не случилось даже заминки, хотя бы в неделю длинной. Они продолжали выступать, готовить к изданию свои книжки и книжки о себе. Если в августе появилось отдельным изданием сочинение Сергея Григорьева «Пророки и предтечи последнего завета: имажинисты Есенин, Кусиков, Мариенгоф», то в начале сентября вышла брошюрка Рюрика Ивнева «Четыре выстрела в Есенина, Кусикова, Мариенгофа, Шершеневича» (пожалуй, после расстрела Гумилёва название такое было не совсем этичным).

Однако симптоматично в этом смысле одно событие не публичного толка, о котором стоит задуматься. Журнал «Печать и революция» со статьёй Луначарского, где имажинисты были названы шарлатанами, вышел ещё в начале августа и, безусловно, сразу попал в руки этой компании. Поначалу они и не подумали реагировать на выпад наркома — мало ли их полоскали. Но спустя месяц с лишним, то есть где-то через неделю после известия о Гумилёве, имажинисты вдруг обратились в редакцию журнала «Печать и революция» с письмом. Оно гласило: «Ввиду того, что вышеназванный критик и народный комиссар уже неоднократно бросает в нас подобными голословными фразами, центральный комитет имажинистского ордена считает нужным предложить:

1. Наркому Луначарскому — или прекратить эту легкомысленную травлю целой группы поэтов-новаторов, или, если его фраза не только фраза, а прочное убеждение, — выслать нас за пределы Советской России, ибо наше присутствие здесь в качестве шарлатанов и оскорбительно для нас, и не нужно, а может быть, и вредно для государства.

2. Критику же Луначарскому — публичную дискуссию по имажинизму...» [Есенин 2000, 242-243].

Подписали письмо Есенин, Мариенгоф и Шершеневич.

Что это было?

Возможности эмигрировать вскоре будут представлены всем троим — и никто из них за границей не останется. Определённая, подспудная реакция на известие о расстреле Гумилёва здесь имеется («...ну вас к чертям, и правда ещё убьёте»), но основной посыл всё-таки, с позволения сказать, шантажистский. Ровно такой же, как и в прошлый раз, когда имажинисты в 1919 году обращались к Луначарскому с той же самой просьбой.

Имажинисты были абсолютно убеждены в своей значимости и в известном смысле снова ставили наркому на вид: либо считайтесь с нами, либо пеняйте на себя — останетесь тут со своими недоученными пролетариями, «канцеляристом» (определение Есенина) Брюсовым, дичающим Клюевым и громыхающим Маяковским. Даже Бальмонт от вас сбежал: тёзка есенинского сына, писавший абсолютно просоветские стихи, не так давно выехал в командировку на Запад и не вернулся.

В этом контексте стоит рассмотреть и ещё один крайне интересный документ. В те же дни, сразу после двух смертей, Есенин и Мариенгоф задумали совместный сборник с весьма нескромным названием: «Эпоха Есенина и Мариенгофа». Это было не случайной, впроброс, задумкой, а продуманным шагом. Сборник будет свёрстан, а Сергей и Анатолий напишут в качестве предисловия специальный манифест.

Для начала задумаемся, есть ли в самом названии сборника своеобразная реакция на уход Блока и, пусть и в меньшей степени, Гумилёва? Вопрос риторический, но ответ всё равно прозвучит.

Есть.

Безусловно, подразумевалось: пространство стало пустыней и главенство имажинистов в наступившую эпоху становится всё более очевидным. Манифест гласил: «Принося России и миру дары своего вдохновенного изобретательства, коему суждено перестроить и разделить орбиту творческого воображения, мы устанавливаем два непреложных пути для следования словесного искусства:

- 1) пути бесконечности через смерть, т.е. одевания всего текущего в холод прекрасных форм, и
- 2) пути вечного оживления, т.е. превращение окаменелости в струение плоти.

Всякому известно имя строителя тракта первого и имя строителя тракта второго» [Есенин 1999, 309].

(Естественно, имелось в виду, что за первый пункт отвечает Мариенгоф, а за второй – Есенин).

Но важно, что пишут эти молодые люди далее: «...мы категорически отрицаем всякое согласие с формальными достижениями Запада и не только не мыслим в какой-либо мере признания его гегемонии, но сами упорно готовим великое нашествие на старую культуру Европы. Поэтому первыми нашими врагами в отечестве являются доморощенные Верлены (Брюсов, Белый, Блок и др.), Маринетти (Хлебников, Кручёных, Маяковский), Верхарнята (пролетарские поэты – имя им легион). Мы – буйные зачинатели эпохи Российской поэтической независимости» [Есенин 1999, 309].

Дата – 12 сентября.

Сложно не отметить некоторый цинизм Сергея (его подпись стояла под манифестом первой) и Анатолия. Ладно ещё Маяковский: с ним они хотя бы пребывали в творческом конфликте. Но Хлебников? Они же сами его «короновали» на должность Председателя Земного шара и приняли в компанию имажинистов. Но Брюсов? Они же сами втягивали его во все имажинистские игры за власть в Союзе поэтов. О пролетариях, которых имажинисты пытались перетащить в свои ряды, говорить нечего: их не жалко. Но Блок? После его смерти прошло чуть больше месяца!

Своего места Есенин не собирался уступать ни живым, ни мёртвым.

* * *

В газетах писали, что в имажинистах есть нечто «американское». И расшифровывали, что именно: «Реклама. Крик. Натиск. Буйность».

Всё в точку. Но и это не весь список.

Имажинисты собрали не только самую влиятельную поэтическую школу – отделения их молодых последователей (к несчастью, в основном бездарных) открывались по всей стране и с не меньшим шумом лопались (в Харькове в центральном городском зале проходили литературные суды над имажинистами, в Воронеже с местной имажинистской молодёжью боролся молодой пролетарский поэт Андрей Платонов).

Имажинисты создали ещё и свой групповой стиль, вызывавший безусловную зависть у менее удачливых собратьев по ремеслу.

Здесь всё шло в дело: безапелляционные манифесты, шумные акции, бесперебойная публикация имажинистских книг, ставка на успех, безукоризненный денди-стиль в одежде, нарочитая скандальность, безусловная работоспособность, выражавшаяся, конечно, не только в постоянном обновлении поэтического репертуара, но и в организации подсобных хозяйств: кафе, книжных лавок и тому подобного.

И потрепанные футуристы, и размётанные временем символисты, и несчастные крестьянские самородки, и неказистые пролетарские поэты, никак не оправдывавшие возложенных на них государством надежд, — все они на имажинистском фоне терялись.

Правоверный большевистский поэт, будущий приятель Есенина, Илья Садофьев в своей поэме «Индустриальная свирель» провозглашал:

Дарю Коммуны машинистам
Индустриальную свирель!
Пускай грызут имажинисты
Бескровный образ — самоцель [Летопись жизни 2005, 139].

Но пока поэтические пролетарии дудели в свои свирели, имажинисты собирали самые большие залы в Москве. Если Есенину хоть кого-то из поэтической братии было жалко — так это своих крестьянских товарищей, прямо говоря, оставленных им.

Поочерёдно они заявлялись в «Стойло Пегаса», разве что не крестясь украдкой, осматривались там: ага, на стенах ни одной строчки из их избяных песен нету, какие-то шершеневичи, кусиковы (насекомые какие-то, а не люди, прости, Господи), ага, повсюду девки сидят, разврат тут, поди, творится, а то и свальный грех, ага, вот и Серёжа бежит, несёт пирожки, наливочку — чует свою вину, чует, оттого и разыгрался так в приветливого хозяина.

Есенин и правда хотел им понравиться, вёл себя, словно за ним действительно имелась вина: он добился своего, он забрался наверх, а эти несчастные смотрят снизу и тоскуют. И ботинки у них плохие, и воротнички грязные, и стихи их слушать никто не хочет.

Орешин в 1919 уехал в Саратов: в Москве ему дела не находилось, а в Саратове он мог претендовать на роль первого поэта: и за два года, отдадим должное, выпустил там три сборника стихов. Но и Москве хотелось напомнить о своём существовании!

Есенин устроил заехавшему в столицу Орешину сольное выступление в «Стойле Пегаса». Публика реагировала на него вяло, тем более что читал он что-то большевистское, дидактическое, — даже Гале Бени-

славской, хоть её Есенин отдельно настраивал отдельно послушать его золотого друга Петра, – и той было не очень-то любопытно.

То там, то сям затевались разговоры, заглушавшие Орешина – Есенин в бешенстве носился по залу и в одном месте пшикал, а в другом прямо крыл матом: а ну-ка позакрывали рты свои, а не то вынесу сейчас из «Стойла»!

Орешин пообещал, что в другой раз будет лирику читать, – Есенин кивал согласно: да, Петь, давай лирику, давай ещё раз приходи. Даже гонорар тому заплатил – и что в итоге?

В итоге Орешин пишет стихи:
С Богом! Валяйте тройкой:
Шершеневич, Есенин, Мариенгоф!
Если Мир стал простой помойкой,
То у вас нет стихов!

Вы думаете: поэт – разбойник?
Но у вас ведь засучены рукава? –
Оттого, что давно вы – покойники

И мертвы в вашем сердце слова! [Летопись жизни 2005, 181]

Так себе стихи, конечно же. Почти проза; хотя и проза так себе. Если что-то и есть в них, так это искренность негодования. Завершались они так:

Нет, нет, не хочу обидеть,
Это слишком для вас хорошо.
Лишь от модной, завистливой челяди
Уйти б навсегда душой [Летопись жизни 2005, 181].

Самое здесь забавное, что рифма «обидеть» / «челяди» – типично имажинистская, диссонансная, равно как и строчка: «Уйти б навсегда душой» – будто подворованная у Есенина периода «Исповеди хулигана» или «Сорокоуста».

Ах, Орешин, ох, Петя...

Мариенгоф вспоминает одну из встреч, когда они увиделись лицом к лицу – Серёжа с Толей и бывшие крестьянские сотоварищи: «Пимен Карпов шипел, как серная спичка, зажжённая о подошву, а Пётр Орешин не пожалел ни «родителей», ни «душу», ни «бога»...» – проще говоря, покрыл Есенина и Мариенгофа отборной матерной бранью.

В иной раз Есенин бы драку устроил, а тут грустил: на крестьян он смотрел, как на самую несчастную родню, которой с эпохой точно не повезло, сноровки не хватило выкарабкаться.

Он и в Константиново отчего годами не ездил: стыдно было! Последний раз навещал родителей и сестёр в 1920 году, а до этого – в 1918-м. Два визита в несколько дней за четыре года! На Ростов и Нов-

город находил время, в Ташкент и Самарканд — и то ездил, а рязанских своих краёв, до которых куда ближе, избегал последовательно и упрямо.

Когда виделся с отцом в те заезды, кричал на него: кулак, ничего не соображаешь! — а теперь что было сказать? — крестьянство действительно бедовало, на него взвалили все невзгоды военного коммунизма. Отношения с крестьянскими поэтами несли на себе ещё и этот отпечаток: как будто он, Есенин, их обманул когда-то. Но разве он? Разве не сами они обманулись?

Вина Есенина была в одном: он оказался не просто одарённое, но и удачливее и предпочёл крестьянской их сцепке компанию Анатолия и Вадима. Предпочёл, да, но Анатолию и Вадиму внушал: моих, сиволапых, обижать не смей, поняли?!

Никто есенинской широты, увы, не ценил.

Клюев, Клычков, Карпов, Ширяевец, Орешин обменивались между собой редкими весточками, и настрой был у всех одинаков: пропал паренёк, загордился, украли нашего Серёжу.

Источники

Блок 1997 — Блок А.А. *Полное собрание сочинений и писем*: В 20 т. Т. 2. Стихотворения. Книга вторая. М., 1997.

Блок 1999 — Блок А.А. *Полное собрание сочинений и писем*: В 20 т. Т. 5. Поэмы и стихотворения (1917 — 1921). М., 1999.

Есенин 1996 — Есенин С.А. *Полное собрание сочинений*: В 7 т. Т. 4. Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений». М., 1996.

Есенин 1997 — Есенин С.А. *Полное собрание сочинений*: В 7 т. Т. 5. Проза. М., 1997.

Есенин 1999 — Есенин С.А. *Полное собрание сочинений*: В 7 т. Т. 7. Книга первая. Автобиографии. Дарственные надписи. Фольклорные материалы. Литературные декларации и манифесты. М., 1999.

Есенин 2000 — Есенин С.А. *Полное собрание сочинений*: В 7 т. Т. 7. Книга вторая. Дополнения к 1 — 7 томам. Рукою Есенина. Деловые бумаги. Афиши и программы вечеров. М., 2000.

Литература

Летопись жизни 2005 — *Летопись жизни и творчества С.А. Есенина*. В пяти томах. Т. 3. Кн. 1. 1921 — 10 мая 1922. М., 2005.

Литературное наследство 1982 — *Литературное наследство*. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982.

YESENIN. WE'LL MEET AGAIN THE STARS FORETELL

Excerpts from the book.

To be released by the "Molodaya Gvardiya" Publishing House in the fall of 2019.

© **Prilepin Zahar (2019)**, writer (Nizhny Novgorod, Russia).

The excerpts from the new book by Zakhar Prilepin "Yesenin. We'll meet again the stars foretell" feature examples of personal and creative interaction of S. A. Yesenin with prominent representatives of the country's poetic scene of the 1910-1920s. (A.A. Blok, imaginalists, "new peasant" poets), who had a significant impact on his worldview, life and career. The author notes that there was a special connection between Yesenin and Blok, which can conditionally be described as the "student-mentor" opposition: for example, Yesenin shared Blok's ideas about the "music of revolution", about the purpose and significance of the changes that were taking place in the country; adopted the methods and means of creating color and sound images, which are typical for the poetics of the famous symbolist; like Blok, he rejected a mocking, sarcastic attitude towards the depicted; followed the same vector of self-knowledge and self-awareness. The ambiguous reaction of Yesenin to the death of Blok combines the feeling of sorrow, orphanhood and the desire to "surpass the teacher", to take the vacant place of "the master of Russian poetry." Together with other imaginalists, Yesenin prepared a "great invasion into the old culture of Europe", declaring his superiority among contemporary poets, which was facilitated by the success of imaginalism, the popularity of which could be overshadowed neither by A.V. Lunacharsky, nor by the weak resistance of representatives of other literary movements who could not meet the competition of the deliberately outspoken self-presentation of imaginalists. The author draws attention to the fact that Yesenin, however, openly showed sympathy for the less successful "new peasant" poets, trying to help develop their literary careers. However, the failed performances in the Pegasus Stall and the lack of interest in the metropolitan audience only further alienated the poet's supporters, who accused him of betraying previous ideological and aesthetic worldviews.

Keywords: biography, Sergey Yesenin, Alexander Blok, imaginalists, new peasant poets.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Летопись жизни 2005 – *Letopis' zhizni i tvorchestva S.A. Esenina* [Chronicle of life and work of S.A. Yesenin]. V pyati tomakh. T. 3. Kn. 1. 1921 - 10 maya 1922. Moscow, 2005. (In Russian).

Литературное наследство 1982 – *Literaturnoye nasledstvo* [Literary heritage]. T. 92. *Aleksandr Blok. Novyye materialy i issledovaniya* [Alexander Blok. New materials and research]. Kn. 3. Moscow, 1982. (In Russian).

Поступила в редакцию 15.09.2019